Аркадий и Борис

СТРУГАЦКИЕ

Аркадий и Борис

СТРУГАЦКИЕ

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С87

Предисловие *Эдуарда Веркина*

Иллюстрация на обложке *Александры Гарт*

Стругацкий, Аркадий Натанович.
С87 Трудно быть богом : [повесть] / Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 224 с. — (Стругацкие (Яндекс)).

ISBN 978-5-17-188996-8

«Трудно быть богом». Возможно, самое известное из произведений братьев Стругацких. Одна из самых прославленных повестей отечественной фантастики. Увлекательная, полная драматизма история жизни, любви и приключений «дона Руматы» из королевства Арканар на далекой планете — рыцаря с двумя мечами, под именем которого скрывается сотрудник Института экспериментальной истории с планеты Земля Антон.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий, наследники, 2026
© ООО Яндекс Книги, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Эдуард Веркин

АРКАНАР, АРБАЛЕТЫ, ВРЕМЯ ДЕТСТВА

Эдуард Веркин — писатель, многим читателям известен как автор подростковых книг. За роман «Облачный полк» в 2012 году получил премию имени Крапивина, премию имени Бажова и «Книгуру», за роман «ЧЯП» в 2017 году — премию в области фантастики «Новые горизонты». С романом «снарк снарк» в 2023 году выходил в финалы премий «Большая книга» и «Ясная Поляна». В 2025 году научно-фантастический роман «Сорока на виселице» тоже стал финалистом «Большой книги».

Впервые повесть «Трудно быть богом» опубликована в 1964 году.

Точное количество официальных изданий известно, пожалуй, исключительно библиографам и исследователям творчества А. Н. Стругацкого и Б. Н. Стругацкого. Однако можно с уверенностью сказать, что новые издания «Трудно быть богом» появляются в среднем ежегодно. Таким образом, повесть — один из самых популярных текстов современной русской литературы. Из предисловий к ней можно составить отдельный том. Из материалов исследователей — многотомник.

Текст рассмотрен под всеми возможными углами, разложен на буквы и молекулы, пересобран, редактиро-

ван, дополнен, урезан, расширен. «Трудно быть богом» трактовали с точки зрения истории, политологии, социологии, футурологии, теологии, психоанализа, биологии, ксенобиологии, криптоистории будущего и прочих гуманитарных и естественных дисциплин, как реальных, так и вымышленных. Кулинария, история костюма, технология холодного оружия, традиционная медицина, криминальное арго, народное образование, лирика пламенеющей готики и пр. и пр. — в относительно небольшом объеме уместилась если не энциклопедия позднего Средневековья (или, коли угодно, раннего Возрождения), то по крайней мере весьма полный его словарь. Щедрая книга, «Трудно быть богом» дает обильную пищу для ума и сердца. При относительно небольшом объеме.

«Трудно быть богом» самая читаемая, цитируемая, адаптируемая для экрана, сцены, компьютерных игр, переводимая, самая известная книга братьев Стругацких. Название стало практически афоризмом, многократно обыгрывалось в народном творчестве, произведениях других литераторов, иронических заголовках и каламбурах.

«Трудно быть богом» любили так долго и всерьез, что даже разлюбили. А потом полюбили заново. Некоторые читатели зашли на второй или третий виток этой замечательной карусели.

Лучшим предисловием к самой известной повести братьев Стругацких стала бы страничка равнодушной информации — где, когда, тираж, сколько прошло с предыдущего издания, количество купленных экземпляров и единиц, выданных в библиотеках, средний возраст, самый юный читатель и самый старый, сколько среди них учителей, врачей, чиновников, шахтеров, студентов, индивидуальных предпринимателей. Пока это время не пришло, но что-то подсказывает, что оно не за горами, во всяком случае технически это несложно.

Итак.

«Трудно быть богом» — идеальная книга для молодежи всех возрастов, в этом секрет ее шестидесятилетнего успеха и, не исключено, бессмертия.

В ней есть то, что нравится юношам, интенсивно обдумывающим житие. Герой (благородный дон Румата Эсторский, он же земной наблюдатель Антон), владеющий в совершенстве приемами боя как с применением холодного оружия, так и рукопашного, лучший меч Империи. Вооруженный постзнанием — он-то в курсе, чем заканчиваются придворные интриги, фронды и жакерии. Снабженный универсальным полевым синтезатором, производящим золотые монеты ведрами, финансовых затруднений не имеет, может себе позволить многое. Герой, за спиной которого сила, способная вызволить его из любой передряги. Неуязвимый. Пуль еще вроде нет, но пуленепробиваемая рубашка уже предусмотрена.

В повести есть все любимое девушками, вглядывающимися в туманное зерцало грядущего. Главный герой — буквально небожитель, баснословный богач, аристократ, бретер, джентльмен, которого алчут все красавицы Запроливья, а он выбирает скромную и тихую, не царевну, не придворную зазнайку, не купчиху, а самую что ни на есть обычную, «из подлых». Немного поэт и пользуется носовым платком. Добрый рыцарь Феб, мистер Дарси и Хитклифф в одном лице. Только лучше. Любовь-любовь-любовь, и вот-вот он заберет ее в свой блистающий чистый и справедливый мир, раскинувшийся в прямом смысле слова в иных мирах и под иными солнцами.

Герой, как и все уважающие себя герои молодежных книг, бунтарь. Да еще какой! Сказано ему начальством — не вмешивайся, смотри, учись. А он вмешивается. В полный свой могучий землянский рост. Щедрой рукой финансирует крестьянские возмущения на во-

сточных окраинах. Якшается с откровенно криминальным элементом. Катается на вертолете, поплевывая сверху в изумленные хари оторопевших аборигенов. Смеется в глаза самому страшному человеку Арканара. Может позволить себе многое, почти все. Полудохлая кляча арканарской истории стараниями благородного дона Руматы не то что пришпорена — несется во весь опор, теряя подковы. И не слышит, не слышит глупый благородный дон треск тулупчика, давно ставшего тесным...

Ну а что, мы бы не вмешались?

Походя проваливает все порученное начальством, фактически обрушивает гнилое здание арканарской государственности, под обломками которого гибнут многочисленные инопланетные братья.

Ну а кто, собственно, без греха?

И нет печального Сикорски, способного взять за ушко ретивого дона, не родился еще поди.

А кто обещал, что будет легко?

«Трудно быть богом» очень приятная для читателя книга. Вероятно, поэтому мир Арканара нарочито эклектичен и полон инструментальных анахронизмов приключенческой литературы, время в нем собрано и сшито произволом авторов. Уже написан трактат «О скотской сущности земледельца», но к полновесному «Молоту ведьм» только-только подбираются, впрочем, откровение сие, похоже, не за горами. Книги уже жгут, но и сочинять продолжают, властители, погрязая в дремучести, определенного прогресса не чужды, да, дон Рэба применяет мясокрутку не по ее основному назначению, но скоро, терзаемый кишечными недугами, оценит и ее прямые функции. Шустрый разумом отец Кабани вот-вот протрезвеет и додумается залить в свои реторты не брагу из брюквы, а черную земляную жижу — она в Арканаре есть, чем-то же огнеметы на галерах за-

правляют? Читатель принимает правила игры и практически с первых страниц начинает чувствовать себя немножечко благородным доном. Хорошо...

«Трудно быть богом» обладает коварным достоинством проверенной классики — примерно каждые десять лет ее можно перечитывать с новым удовольствием и новым же раздражением.

Чем старше читатель, тем он лучше разбирается в пресловутой матчасти: способах заточки мечей, боевых верблюдах, политике и сути торговых республик, в формулах греческого огня, в кризисе феодализма, в теории и практике оперативно-розыскной деятельности. Тем лучше он знает, что надо было сказать Арате, как окоротить дона Рэбу, почему Окана все-таки высокоранговая дамка и почему Румата зря, собственно, сопротивлялся, глядишь все бы развернулось по-другому, и вообще, благородному Румате надо было больше думать о работе и меньше о всякой лирике, пореже шляться по кабакам, переводить Шекспира на ируканский и изображать из себя гражданина, вышедшего из Питанских болот. Книга любезно предоставляет читателю возможности почувствовать себя мудрым и взрослым. И в то же время молодым, юным, вернуться в детство, в счастливые дни летней каникулярной вольницы.

Чем опытней читатель, тем больше он ценит изящество и крепость протянутой через текст повести нити, связующей ее с лучшими образцами отечественной словесности. Небритой физиономией изумительного барона Пампы кривится нам бесподобный и промазавший явно в не свое время женераль Чарнота. «Споспешествование» отца Кина достойнейше парит в недосягаемых эмпиреях рядом с «воплями» Видоплясова. Заячий тулупчик предательски трещит на плечах решительного Араты, некогда красивого, ныне горбатого, скорее всего метящего в самозванцы, далее — крюки и плаха. Герой, вселивший необоримый трепет и томление

в души и плоть придворных дам, Подколесиным прыгает в окно. И мальчики кровавые в глазах...

Любители котиков не уйдут обиженными — в книге действует самозабвенный кошатник, для которого кошка — лучший друг и единственное существо, достойное любви.

Умельцы подвергать литературные произведения вивисекции психоанализа не уйдут обиженными — герои, авторы, критики, а главное, читатели охотно предоставляют материал для неожиданных выводов и смелых обобщений.

Искатели стилистических, фактических и логических ошибок уже составили надлежащие реестры, но эта песня еще не допета — чем чаще ты перечитываешь книгу, тем чаще авторы допускают досадные, но греющие сердце читателя промахи.

Отдельное удовольствие — забывание. «Трудно быть богом» запоминается в главном и частенько забывается в деталях, забытое активно приращивается собственными мыслями и доработками, в голове и памяти читателя начинает жить персональный вариант книги, и при очередном прочтении можно их сличить.

А редакции? Сколь часто «Трудно быть богом» издавалось, столь часто и редактировалось. И правки были не только косметические! Ценитель литературы может сравнить издания 1964 года, издание 1985 года и что-нибудь из последнего, например года 2018-го. Сложно отказать себе в удовольствии последовательно разыскать, как жизнь за обложкой влияла на текст под обложкой.

Обложки! По иллюстрациям на них можно изучать, как менялись предпочтения читателей и вместе с ними благородный дон Румата.

По прочтении практически неизбежно возникнет желание обсудить и подумать, как там все было дальше, окунуться в масштабный корпус пояснений, трактовок,

апокрифов, неавторизованных дополнений и ответвлений. Узнать, что авторы имели в виду, чего не имели, что, собственно, хотели сказать. Споры, кого вывели в образе отравителя Будаха, растлителя Рудаха и прочих осквернителей и чудовищ народного бунта, можно вести бесконечно, споры эти и ведутся, как очно, так и в электронных пампасах, впрочем, это литературная забава, которой не одна сотня лет.

Присоединяйтесь.

Как правило, читатель ожидает от фантастической литературы увлекательного и динамичного сюжета, ярких героев, оригинальной идеи и, что характерно именно для фантастики, предвиденья. В отличие от своих реалистических коллег, фантаст призван срывать завесы с далёка, прозревать, предсказывать, предупреждать. Со времен Жюля Верна и Герберта Уэллса научная фантастика занималась этим постоянно, однако с переменным успехом, угадывая в бытовых мелочах, промахиваясь в тенденциях и, что особенно досадно, в хронологии. Предисловию на фантастическую книгу, к тому же изданную шестьдесят лет назад, трудно увернуться от неизбежных соблазнов и не свериться с предложенными авторами картами грядущего. Предсказали ли авторы магистральные пути, угадали ли дизайн радиофона, когда полетим к Альфе Центавра?

Надо признать, «Трудно быть богом» по предсказательной части слегка прихрамывает. Дон Румата посредством видеокамеры ведет практически непрерывный стрим своих похождений, летает на вертолете, а непосредственно на планету явился как положено — на дальнем звездолете, снабженном генератором сворачивания Р-пространства. Технологии XX, XXI и XXII века. Особенно смущает вертолет. Но именно эта деталь, как ни странно, добавляет повести правдоподобия и очарования — вот оно, извечное земное разгильдяй-

ство, каспарамид предусмотрительно выдали, а глайдер перепутали, пользуйся пока вертолетом, так даже лучше. На крайний случай у нас есть дирижабль. И усыпляющие шашки. И коммунизм... Погодите, какие шашки, мы же можем легко подогнать спутники с излучателями! Или дирижабль с излучателями. Щелкнуть с борта депрессивным пси-ударом, чтобы попадали и раскаялись в делах своих... Или это уже не коммунизм? И вот мы выходим на прихрамывание по логической части... И соблазн побеждает, отправляемся перечитывать в семнадцатый раз, что поделать, «Трудно быть богом» книга соблазнительная, и отсекать эти соблазны непросто. Но они сами отсыхают. Где-то на пятом прочтении отсыхает желание искать авторские неувязки. На восьмом — искушение в каждом повороте сюжета усматривать непременную злобу дня, в недомолвках искать обязательную фланкировку фигами, убеждаться, что фантастика — это не о будущем, а о том, что вокруг. Да, как всякое высокое литературное произведение, «Трудно быть богом» милостиво позволяет читателю натянуть шкурку совы на любой из имеющихся в наличии глобусов...

Но нет, «Трудно быть богом» — это все-таки о будущем. Настоящем фантастическом будущем, когда перед людьми возникнет выбор, с которым они прежде не сталкивались, первый по-настоящему страшный выбор Земли, землян. И даже больше: повесть — манифест о том, что выбора фактически и нет, он случился в незапамятные времена, когда эволюция или чья-то ироничная воля и игривая рука засеяла Вселенную не просто гуманоидной и человекоподобной, а вполне себе человеческой жизнью.

Это повесть о том, что наступит пора ответственности, мимо которой не прошмыгнуть. Которую человечество вынуждено взять на себя не по праву сильного,

не потому, что очень уж хочется и чешутся руки, а по обязанности старшего, потому, что других в обозримом космосе нет. А у тебя не получается закрыть глаза на брата, тонущего в нужнике. И всё, благородные доны, поутру удравшие из интерната, идите царствовать. Детство закончилось. Не в «Попытке к бегству», где земляне, столкнувшись с братом по разуму, который оказался в беде, спасают — ясно же, что спасут, понервничают и спасут, все хорошо. Не в «Далекой Радуге», где случается катастрофа, но все (почти) проявляют лучшие качества человека Полдня. Детство закончилось именно в «Трудно быть богом», здесь, на улице Котельщиков, на площади Благорастворения. Земляне начинают не только судить, но уже и карать. Пусть в лице отдельно взятого реактивного дона, но карать. Пройдет совсем немного времени, и тактика, предложенная доном Кондором в Пьяной Берлоге, уже не будет смущать коммунаров, они, пусть и с угрызениями совести, но начнут пускать в ход «герцог», сносить челюсти и применять субакс не только в целях самозащиты.

Инцидент в королевстве Арканар — мина, заложенная под счастливый «Полуденный» мир, трещина, которая в итоге расколет этот мир надвое, первый шаг на пути к великому кризису. Он рождает вопросы, на которые ответов нет.

Что делать с человеком, совершившим массовые убийства? Что если это не исключение? И система воспитания, проморгавшая дона Румату, не идеальна? Как все исправить? Что если братьев в космосе много, а сил Земли недостаточно? И самое страшное — что если история человечества тоже всего лишь субстрат для восхождения богов, всеблагих, но порой слишком скорых на суд да дело? Что если такой вот кавалер Румата в данный момент гуляет по улицам Сыктывкара?

И как мы узнаем из других книг, гуляет...

Вопросы, вопросы, прекрасные вопросы, за которые читатель и любит фантастику и на которые не могут ответить герои Стругацких. Неотвечаемо. Непредсказуемо. Хамахарский жеребец не вывез двоих, Ахиллес безнадежно убиен в пятку.

«Трудно быть богом», как всякая классика, может сама выбирать себе читателей.

То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться.

Пьер Абеляр

Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?

Эрнест Хемингуэй